

Сталинский идеологический поворот

Однако в 1933 г. ситуация в мире принципиально изменилась. Нацистская партия приходит к власти в Германии. Прежняя космополитическая идеология обнаружила свою непригодность в борьбе с новым идеологическим соперником. Нужна была новая идеология, аккумулирующая внутренние духовные ресурсы народа, превращающая в фактор государственной политики его исторические цивилизационно-ценностные накопления. Требовалось соответственно произвести смену приверженной прежним левоинтернационалистским догматам политической элиты. И этот поворот был совершен И. В. Сталиным.

Произошедший под прежней вывеской поворот был очевиден уже современникам. В ходе межпартийной борьбы в среде левой оппозиции был сформулирован концепт сталинского

²⁴ Мясников А. Л. Хроника человечества. Россия. М.: АСТ., 2003. 1199 с. С. 509.

²⁵ Мясников А. Л. Хроника человечества. Россия. М.: АСТ, 2003. 1199 с. С. 518.

термидора. Признаки левого направления в идеологическом спектре того времени определялись следующим образом: в экономике — отрицание частной собственности и любых и рынка, в политической — отрицание государства, в социальной — отрицание любого иерархизма, в идентификационной — отрицание наций, в мировоззренческой — отрицание религии, в стратегической — ставка на перманентную революцию. Концепт «сталинского термидора» стал основой выдвинутой Л. Д. Троцким теории «преданной революции». В качестве доказательств сталинской контрреволюции Лев Давидович ссылаясь на следующие метаморфозы 1930-х гг.: отмена ограничений, связанных с социальным происхождением, установление неравенства в оплате труда, реабилитация института семьи, приостановка антицерковной пропаганды, восстановление офицерского корпуса, казачества и т.п.²⁶ Троцкий объявлял сталинизм закономерным явлением контрреволюционной реакции: «Достаточно известно, что каждая революция до сих пор вызывала после себя реакцию или даже контрреволюцию, которая, правда, никогда не отбрасывала нацию полностью назад, к исходному пункту... Жертвой первой же реакционной волны являлись, по общему правилу, пионеры, инициаторы, зачинщики, которые стояли во главе масс в наступательный период революции... Аксиоматическое утверждение советской литературы, будто законы буржуазных революций “неприменимы” к пролетарской, лишено всякого научного содержания»²⁷.

Характерную реакцию левого крыла партии на происходящие перемены представляют гневные слова литературно-партийного функционера А. А. Берзинь, высказанные ей в 1938 г.: «В свое время в гражданскую войну я была на фронте и воевала не хуже других. Но теперь мне воевать не за что. За существующий режим я воевать не буду... В правительство подбираются люди с русскими фамилиями. Типичный лозунг теперь — “мы русский народ”. Все это пахнет черносотенством и Пуришкевичем»²⁸.

Напротив, бывшие царские офицеры не скрывали своих симпатий к происходящим политическим процессам. «Я счаст-

²⁶ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. С. 94–95, 106, 107, 109, 110, 121–122, 127–129, 182, 185.

²⁷ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. С. 76–77.

²⁸ Наш современник. 1992. № 6. С. 157.

лив, — заявлял один из них. — Тюремны полны евреями и большевиками»²⁹. «Неужели, вы не понимаете, — завершал свою мысль офицер, — что речь идет о создании в России новой династии». Действительно, почти половину жертв сталинской партийной чистки составляли «герои коллективизации», победители в войне с крестьянством. Признание этого факта позволяет в исторических координатах трактовать тридцать седьмой год как «контрудар крестьянской страны». Сталин не был одиночкой тираном, он олицетворял и претворял в жизнь масштабные социальные силы и их движения. К 1939 г. из причастных к коллективизационным процессам кандидатов в члены ЦК партии уцелел лишь один человек (Юркин)³⁰.

Будучи на прямо противоположных идеологических позициях, чем Троцкий, с его оценкой о сталинском термидоре соглашался и Г. П. Федотов: «Революция в России умерла. Троцкий наделал много ошибок, но в одном он был прав. Он понял, что его личное падение было русским “термидором”. Режим, который сейчас установился в России, это уже не термидорианский режим. Это режим Бонапарта»³¹.

Концептуально, как контрколлективизация, сталинские репрессии рассматриваются американским историком и политологом Р. Такером. Согласно его оценке, директивы вождя с 1935 г. приобретают «прокрестьянскую окраску». Проект «октябрьской революции на селе» провалился. Осознав его неудачу, Сталин занял позицию, противоположную той, на которой сам находился в 1929 г. Вопреки прежней классовой нетерпимости, он заявлял, что «не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти»³². В то же самое время, когда прозвучали призывы к толерантному отношению к прежним записным врагам социализма, шло активное истребление бывшей партэлиты³³.

«Большой террор», колоссальные жертвы и трагедии были объективно предопределены выбранной руководством стра-

²⁹ Разгон Л. Непридуманное. М.: Слово, 1991. 286 с. С. 77; Медведев Р. А. К суду истории. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. С. 413.

³⁰ Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1901–1939). М.: Алгоритм, 1999. С. 448.

³¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избр. статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. Т. 2. С. 85.

³² Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928–1941. М.: Весь мир, 1997. С. 296–297.

³³ Там же. С. 296.

ны логикой государственного строительства. Революционные кадры стали лишними в постреволюционную эпоху. По мере укрепления государственности все более обнаруживался их антагонизм по отношению к формируемой государственной системе. Победив в 1917 году, они по-прежнему отождествляли себя с революционной властью и отказывались признавать новые реалии. Имел место реальный социальный и политический конфликт. Сам переход от революционной эпохи к этапу государственного строительства предопределил, таким образом, их истребление³⁴.

Перспектива мировой революции стала в глазах прагматически мыслящей части большевиков призрачной. Идея строительства социализма в одной стране противоречила марксистскому пониманию природы всемирного коммунистического строительства. Удержаться у власти представлялось возможным, лишь вернувшись к дореволюционным цивилизационным формам существования России. Б. И. Николаевский в доказательстве сталинского поворота апеллировал к секретному Постановлению Политбюро ВКП(б) от 24 мая 1934 г., протоколы которого попали в распоряжение немцев. Вероятность фальсификации не снимает определенное отражение в нем логики трансформации большевистского режима. «ВКП(б), — указывалось в документе, — должна временно отказаться от самого своего идейного существа для того, чтобы сохранить и укрепить свою политическую власть над страной. Советское правительство должно на время перестать быть коммунистическим в своих действиях и мероприятиях, ставя себе единственной целью быть прочной и сильной властью, опирающейся на широкие народные массы в случае угрозы извне»³⁵.

К середине 1930-х гг. стало очевидным, что Коминтерн потерпел идеологический крах. Фактическое упразднение данной структуры было лишь делом времени³⁶.

Большая партийная чистка представляла собой одну из возможных форм кадровой ротации. Одной из ее причин была тенденция бюрократического перерождения советского режима. Из партработников высшего звена формировалось некое при-

³⁴ Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1901–1939). М.: Алгоритм, 1999. С. 363.

³⁵ Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. С. 415–416.

³⁶ Сироткин В. Трагедия Коминтерна // Московская правда. 1989. 20 апреля.

вилегированное сословие, новый «эксплуататорский» класс. По свидетельству современников, вместо купцов, фабрикантов и помещиков в ресторане «Арбат» стали обедать новые назначенцы власти.

Буржуазное разложение бывших героев революции и гражданской войны достигло к середине 1930-х гг. столь значительных масштабов, что стало составлять угрозу для коммунистических завоеваний. Писатель В. Красильщиков вкладывает в уста Сталина, дискутирующего с Г. К. Орджоникидзе, следующее рассуждение: «Наши сановники губят наши благие начинания на корню путем чисто чиновничьего убийства живого дела... Объявляю им войну не на жизнь, а на смерть, до полного истребления — или я, или они. Можем ли мы либеральничать, когда в стране беспорядок, неорганизованность, недисциплинированность?.. Бюрократизм, хаос, ляпанье... Коррупция — уголовно наказуемое злоупотребление служебным положением. Семейственность и протекционизм, которые народ не прощает, которыми тычет нам в нос: «Блат выше Совнаркома!» Можем ли мы допускать все это вообще и тем более зная, что до войны остаются считанные годы? Есть ли у нас время разбираться, какой удар необходим, а какой лишний? Можем ли мы позволить себе роскошь разбирательства, какой горшок поделом, а какой зря коннули?»³⁷

В соответствии с российской исторической традицией определяющее значение для внутренней политики, а соответственно и кадровых ротаций, имел также военный фактор. Угроза мировой войны обусловила стремление Сталина обезопасить тыл. Репрессии обрушились на те элементы общества, от которых исходила потенциальная опасность для режима в случае развертывания на территории СССР военных действий. Террор парадоксальным образом стал трагической составляющей сталинского курса на укрепление обороноспособности государства. Характерно, что именно к такому объяснению тридцать седьмого года склонялся посвященный во многие закулисные стороны политики того времени В. М. Молотов. «1937 год, — говорил он в беседе с Ф. Чуевым, — был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существо-

³⁷ Диодоров Л. Блат выше Совнаркома! (Сталин и коррупция). URL: <https://yakutia.info/article/174706>

вали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны»³⁸.

Трагична гибель, ломка жизни миллионов людей, во множестве своем индивидуально безвинных. 30-е были годами продолжения Гражданской войны.

Катализатором для Сталина в развертывании репрессий послужил опыт войны в Испании, где не последнюю роль в поражении республиканцев сыграл фактор «пятой колонны». Примеривание испанского опыта на СССР диктовало ему в той логике войны необходимость репрессий потенциальных предателей³⁹. Поскольку сами советские лидеры сумели захватить власть в военное время, они более всего опасались войны на два фронта — с внешним противником и внутренней контрреволюцией. «Как показывают многие факты, — пишет исследователь сталинизма О. Хлевнюк, — кадровые чистки и “большой террор” 1936–1938 гг. имели в основном единую логику. Это была попытка Сталина ликвидировать потенциальную “пятую колонну”, укрепить государственный аппарат и личную власть, насильственно «консолидировать» общество в связи с нарастанием реальной военной опасности (эскалация войны в Испании, активизация Японии, возрастание военной мощи Германии и ее союзников). Все массовые операции планировались как настоящие военные действия против врага, хотя еще не выступившего открыто, но готового сделать это в любой момент»⁴⁰.

Сталинские партийные чистки были вызваны не в последнюю очередь национальным перекосом в высших органах власти. Вероятно, левый уклон, троцкизм и этнический признак для него стали корреспондировать. Сложившаяся в пост-октябрьский период управленческая система была наиболее преферентна к кооптации в высшие эшелоны власти выходцев из еврейской среды. Сам Сталин был если не идейным, то, во всяком случае, бытовым юдофобом. В кулуарных беседах

³⁸ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Теппа, 1991. С. 390.

³⁹ Khlevniuk O. The Reasons for the «Great Terror»: the Foreign–Political Aspect // *Russia in the Age of Wars. 1914–1945*. Milano, 2000. P. 159–170.

⁴⁰ Хлевнюк О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // *Историческая наука и образование на рубеже веков*. М.: Собрание, 2004. С. 448.

он характеризовал партаппарат как «синагогу», а партийную чистку уподоблял «еврейскому погрому». Для его ближайшего единомышленника А. А. Жданова настольной книгой служили «Протоколы сионских мудрецов». На эзоповом языке идеологических дискуссий под троцкизмом подразумевалось еврейское крыло партии. Популярностью в околополитических кругах пользовалась шутка следующего содержания. Вопрос: Чем Сталин отличается от Моисея? Ответ: Моисей вывел евреев из пустыни, Сталин — из Политбюро.

Обвинение в антисемитизме не преминул использовать в критике сталинской политики Л. Д. Троцкий. «В истории, — писал он, — трудно найти пример реакции, которая не была бы окрашена антисемитизмом. Этот особенный закон целиком и полностью подтверждается в современном Советском Союзе... Как могло быть иначе? Бюрократический централизм немыслим без шовинизма, а антисемитизм всегда был для шовинизма путем наименьшего сопротивления»⁴¹. Даже Н. С. Хрущев неоднократно намекал в своих мемуарах на антисемитскую подоплеку сталинской партийной чистки. Антисемитизм ставился им в вину Сталину как коммунисту. «Берия, — утверждал Хрущев, — завершил начатую еще Ежовым чистку (в смысле изничтожения) чекистских кадров еврейской национальности»⁴².

Сталинские репрессии ознаменовали не менее чем трансформацию советской системы. Для этого требовалось первоначально устранить космополитическую прослойку в высших эшелонах советской власти. «Большой террор» являлся в данной постановке вопросом походом национальных сил против интернационалистского засилья. Сталинский цивилизационно ориентированный концепт построения социализма в одной стране противопоставлялся идеологеме «мировой революции».

Стоявший на националистических позициях публицист-историк А. М. Иванов писал о двух контрударах, нанесенных Россией по примазавшимся к революции антирусским силам. Первый датировался им 1926–1927 гг., второй — 1936–1938 гг. «События на внутреннем фронте, — рассуждал он, — как бы

⁴¹ Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 41–59. С. 42.

⁴² Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997. С. 68.

предваряли сценарий грядущей войны: враг под Москвой — отброшен, враг под Сталинградом — снова отброшен»⁴³.

Кто оказал наибольшее персональное влияние на идейную эволюцию Сталина в направлении национал-большевизма? Р. А. Медведев отводил эту роль А. Н. Толстому. Вернувшись на Родину, писатель якобы пытался раздуть царистские настроения у генсека. Автор «Петра Первого» внушал Сталину мысль о его преемстве русским монархам. Другим источником влияния стали труды идеолога национал-большевизма Н. В. Устрялова.

Война стала завершающим рубежом начавшейся в 1930-е годы идеологической трансформации советской системы. Речь И. В. Сталина на параде 7 ноября 1941 г. ознаменовала выдвижение государственно-патриотических идеологем взамен революционно-интернационалистских. Отнюдь не всеми в партии лейтмотив сталинского выступления был воспринят позитивно. В опубликованном Р. А. Медведевым «Политическом дневнике» приводится письмо некоего ортодоксально мыслящего большевика, выражавшего недоумение, почему генеральный секретарь в годовщину Октябрьской революции говорил не о Марксе и Либкнехте, а Александре Невском и Суворове.